

Итак, обучение по программе «Культура моего народа» позволяет решать наиболее актуальную задачу сегодняшнего дня – соединить базисное образование с региональным компонентом. Результат такого обучения, на мой взгляд, соответствует поставленным в программе целям и задачам.

© В. А. Москвина
Омск

РУССКИЕ ЗАГОВОРЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Вопрос о взаимосвязях заговорно-заклинательной поэзии и литературы был поставлен первыми исследователями заговоров, но до сих пор он остается недостаточно изученным. Так, И. П. Сахаров объяснял происхождение русских заговоров влиянием книжных источников Индии и Востока [18].

Как известно, собственно научное исследование заговоров началось с мифологов. В сфере их интересов наряду с другими находилась и вышеназванная проблема. В частности, Ф. И. Буслаев уделил внимание изучению рукописных сборников заговоров, в которых отметил сильное влияние отреченных и еретических книг, распространявшееся и на устную традицию [4, с. 32]. Идея о влиянии религиозной литературы на заговоры оказалась плодотворной, и к ней обращались многие исследователи. А. Н. Веселовский считал, что формирование русской заговорной традиции шло в два этапа: первые заговоры появились в эпоху древних языческих представлений [5, с. 286], а новые заговоры возникли на основе евангельских сюжетов «во вторую пору великого мифологического творчества, которое мы зовем средними веками» [5, с. 290]. Анализируя отдельные заговорные мотивы, сюжеты, образы, А. Н. Веселовский выявил их источники в христианской литературе. В этом направлении проводили разыскания современники и последователи Веселовского: М. Соколов [19, с. 174-175], А. Алмазов [1], Н. Познанский [17], проследившие воздействие на заговоры христианской литературы как русской, так и зарубежной. Если перечисленные ученые доказывали вторичный характер христианских элементов в заговорах, то В. Мансикка, так же отталкиваясь от работ Веселовского, напротив, считал, что в первоначально чисто христианские тексты проникли языческие, суеверные представления [11. 12].

Итак, основной интерес для исследователей XIX – начала XX вв. представлял вопрос о религиозно-книжных источниках в заговорах. Элементы христианской литературы в заговорных мотивах, сюжетах, образах исследуются и современными учеными (О. А. Черпанова [21],

А.В. Юдин [23] и др.), но вне их поля зрения остается влияние светской литературы на устную традицию, что уже отмечалось нами [14].

Фольклорно-литературное взаимодействие – это двусторонний процесс. Вопрос о месте «исполненных высокой поэзии заговоров» в истории русской литературы поднял Ф.И. Буслаев [4, с.49]. А. Блок в своей статье о заговорах для «Истории русской литературы» под редакцией Е. Аничкова и Д. Овсяннико-Куликовского (1908 г.) писал: «[...] заговоры, а с ними вся область народной магии и обрядности, оказались тою рудой, где блещет золото неподдельной поэзии, тем золотом, которое обеспечивает и книжную «бумажную» поэзию – вплоть до наших дней» [2, с.37]. Буслаев и Блок отметили эстетическую ценность заговорной поэзии, однако проблема конкретного влияния заговоров на литературу осталась за рамками их работ. В этом плане представляет интерес статья В.П. Петрова, где он указал на первые фиксации заговоров памятниками древнерусской литературы [16, с.90-92], а также суждение Р. Якобсона о заговорном характере плача Ярославны из «Слова о полку Игореве» [24, с.32].

Сведения об обращении отдельных писателей к заговорно-заклинательной традиции содержатся в четырехтомнике «Русский фольклор и литература», а также в отдельных работах современных исследователей, где заговоры в литературном контексте рассматриваются в основном в связи с анализом конкретных произведений. Так, Р.В. Иезуитова, анализируя повесть О. Сомова «Оборотень», обратила внимание на введение автором в целях большей достоверности подлинного заговора [8, с.131]. На примере этого же произведения К.А. Богданов раскрыл соотношение между действием и заговорным текстом. Он отметил «олитературенность» и нарочитую сюжетность в описании Сомовым заговорного акта, но именно это, с точки зрения ученого, доказывает бессосновательность мнения об особой роли словесной части заговора и дает наглядное представление об «овеществлении» текста в конкретном действии [3, с.29-30].

Влияние заговоров на русскую поэзию обнаружено Р.В. Иезуитовой в стихотворении А.А. Дельвига «Сон» (1828 г.), где звучит мольба суженой к суженому [8, с.131], и Б.Ф. Егоровым в стихотворениях Ап. Григорьева «Доброй ночи» и А. Фета «Лихорадки» с поэтической переработкой образов девяти сестер-лихорадок [7, с.256].

Как отмечают исследователи, особую роль сыграли заговоры в очерковой литературе. Авторы очерков в большей степени привлекали образы знахарей и колдунов. Р.В. Иезуитова указала на описание колдуна и знахаря в «Плотничьей артели» (1855 г.) А.Ф. Писемского [8, с.131], З.И. Власова – на включение П.И. Мельниковым-Печерским в дилогию «В лесах» и «На горах» заговора знахарки Егорихи с пояснениями автора [6, с.114], А.Ф. Некрылова – на описание обряда опахивания с заговором

в очерке «Деревенская газета» Н. Успенского, на образ колдуньи в его одноименном очерке, на главу о лечебниках в «Деревенском дневнике» Г. Успенского [15, с.195-196], К.Е. Корепова – на представления о 12 лихоманках в рассказе С.Т. Григорьева «Лихоманка» и о «лечебной силе спорной воды с трех церквек или с громовой стрелы» в очерке С.Я. Дерунова «Болезнь крестьянина» [10, с.362].

В статье Л.В. Черных высказана мысль, что душевные переживания героинь А.Н. Островского передаются автором на языке фольклорных образов, и приведен в пример монолог Катерины из пятого действия «Грозы»: «Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску!» [22, с.381]. Безусловно, перед нами заговорная формула из народных присушек.

Нетрудно заметить, что влияние заговорно-заклинательной традиции на литературу современными исследователями рассматривается в основном на уровне констатации фактов включения этой традиции в литературные произведения. Исключение, пожалуй, представляет работа Н.С. Кирьянова о поэме С. Есенина «Черный человек», где изучается связь этого произведения с заговорами на уровне художественного метода [9].

Соглашаясь с мнением Д.Н. Медриша, что проблема взаимодействия фольклора и литературы – это проблема взаимодействия двух художественных систем, следует рассматривать элементы, переходящие из одной системы в другую, в качестве «элементов системы, в одном случае – их породившей, в другом – их усвоившей и переосмыслившей (или отвергнувшей)» [13, с.6]. С нашей точки зрения, воздействие заговоров на литературу должно изучаться на нескольких уровнях поэтики с целью определения закономерностей этого процесса.

Перспективной и малоизученной на сегодняшний день является проблема письменного фольклора. Вопросы собирания и изучения письменных заговоров обозначила Л.Е. Фадеева [20]. В качестве основных исследовательница выдвигает проблемы: 1) соотношение и дифференциация письменной и устной заговорных традиций; 2) специфика влияния книжности на устные и письменные заговоры. Эти проблемы в науке до сих пор не получили должного освещения.

Итак, проблема функционирования заговорной традиции в литературном контексте актуальна и малоизучена. Для ее решения необходима дальнейшая разработка вопросов, поставленных на материале древнерусской и классической литературы XIX в., а также введение в сферу изучения произведений писателей XX в. и материалов, характеризующих особенности восприятия современным человеком заговоров в устной традиции и литературе.

Примечания

1. Алмазов А.И. Врачевательные молитвы // Летопись Ист.-фил. общ-ва при имп. Новороссийском ун-те. Т. 8. Одесса, 1900. С.367–514.

2. Блок А.А. Поэзия заговоров и заклинаний // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.-Л., 1962. С.36–60.

3. Богданов К.А. Русский заговор. Опыт структурного анализа (Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук). СПб., 1992.
4. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 2. СПб., 1861.
5. Веселовский А.Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. СХL. С.281–359.
6. Власова З.И. П.И. Мельников-Печерский // Русская литература и фольклор: Вторая половина XIX в. Л. 1982. С.94–130.
7. Егоров Б.Ф. Ал. Григорьев // Русская литература и фольклор: Вторая половина XIX в. Л., 1982. С.255–285.
8. Иезуитова Р.В. Литература второй половины 1820-х – 1830-х годов и фольклор // Русская литература и фольклор: Первая половина XIX в. Л., 1976. С.85–142.
9. Кирьянов Н.С. Традиции обряда в поэме С.А. Есенина «Черный человек» // Место и значение фольклора и фольклоризма в национальных культурах: история и современность: Тезисы докладов научной конференции / Под ред. В.А. Михнюкевича. Челябинск, 1998. С.94–96.
10. Корепова К.Е. Крестьянские писатели // Русская литература и фольклор: Вторая половина XIX в. Л. 1982. С.347–368.
11. Мансикка В. К изучению заговоров (Заметка по поводу недавно появившейся книги А.В. Ветухова). СПб. 1908.
12. Мансикка В. Представители злого начала в русских заговорах // Живая старина. 1909. № 4. С.3–30.
13. Медриш Д.Н. Взаимодействие двух словесно-поэтических систем как междисциплинарная теоретическая проблема // Русская литература и фольклорная традиция: Сборник научных трудов. Волгоград, 1983. С.3–16.
14. Москвина В.А. К вопросу о влиянии городской культуры на заговоры // Урбанизация и культурная жизнь Сибири: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 1995. С.243–245.
15. Некрылова А.Ф. Очеркисты-шестидесятники. Г.И. Успенский // Русская литература и фольклор: Вторая половина XIX в. Л., 1982. С.131–230.
16. Петров В.П. Заговоры // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С.77–142.
17. Познанский н. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пг., 1917
18. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М. 1989.

19. Соколов М. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. М. 1988. Вып. 1.

20. Фадеева Л.Е. Письменная заговорная традиция (проблемы собирания и изучения) // Материалы международной конференции «Фольклор и современность», посвященной памяти профессора Н.И. Савушкиной (20-22 октября 1994 г.). М. 1995. С.38-45.

21. Черепанова О.А. Типология и генезис названий лихорадок-трясовиц в русских народных заговорах и заклинаниях // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1977. С.44-57.

22. Черных Л.В. А.Н. Островский // Русская литература и фольклор: Вторая половина XIX в. Л. 1982. С.369-416.

23. Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М. 1997

24. Якобсон Р. Композиция и космология плача Ярославны // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 24. Л. 1969.

© А.А. Надольская
Екатеринбург

ИНОЯЗЫЧНОЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Современный детский фольклор бытует достаточно широко. Дети 7-12 лет знают и с удовольствием рассказывают страшные истории и анекдоты, поют песни, показывают различные игры, декламируют считалки. Записи, сделанные в июле 2000 года в детских садах, у детей, играющих во дворе, свидетельствуют об устойчивой жанровой системе, сохранности традиционных образов и мотивов, об интересе детей к «заумному» слову и игре словом. Однако, с другой стороны, следует констатировать заметное иноязычное влияние на современный детский фольклор. Покажем это на примере активно бытующего жанра считалок.

Дети рассказывают известные считалки про эники-беники, которые ели вареники, про месяц, который «вышел из тумана и вынул ножик из кармана», про машину, которая ехала «темным лесом за каким-то интересом». И в то же время в этих считалках появляются мотивы из иностранных телефильмов. Например, в считалке про то, как «на золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич» появляются персонажи американских «мультяшек»: «На золотом крыльце сидели: Мишки Гамми, Том и Джерри, Скрудж Макдак и три утенка, Выходи, ты будешь Понка, А у Поночки дела, Понка в школу не пошла, Получила цифру пять, Раз, два, три, четыре, пять». Или вводятся персонажи известного телесериала Санта-Барбара: «На золотом крыльце сидели, Санта-Барбару смотрели, Если Джина не умрет, то Сиси ее убьет». В считалках часто обыгрываются русские грамматические формы к выдуманым